

Краткій отчетъ о поѣздѣ въ Ургу прив.-доц. В. И. Щербатскаго.

Выѣхалъ изъ Петербурга 26-го апрѣля, торопясь застать въ Ургѣ Далай-Ламу, который, по слухамъ, долженъ былъ покинуть этотъ городъ и уѣхать въ Тибетъ въ началѣ мая. 5-го мая пріѣхалъ безъ задержки въ Троицко-Савскъ, но здѣсь пришлось остаться на цѣлую недѣлю, за невозможностію достать лошадей для переѣзда черезъ Монголію, такъ какъ китайская почта была въ это время всецѣло поглощена перевозкой принца Фридриха Леопольда прусскаго и его свиты, а вольные ямщики законтрактованы были продовольственной комиссіей, закупавшей въ Монголіи скотъ для дѣйствующей арміи. За это время мнѣ удалось разыскать и познакомиться съ скрывавшимся въ Кяхтѣ извѣстнымъ наперсникомъ нынѣшняго Далай-Ламы, хамбо Агван-Доржиевымъ. Отъ него я узналъ много интереснаго объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ англійскій походъ въ Тибетъ и бѣгство Далай-Ламы изъ Лхассы, а также получилъ отъ него рекомендательныя письма къ приближеннымъ Далай-Ламы и къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ среди ургинскаго монгольскаго духовенства. Это въ значительной степени облегчило мнѣ впослѣдствіи знакомство съ дворомъ Далай-Ламы и дало возможность личнаго съ нимъ знакомства. Наконецъ 15-го Мая удалось найти лошадей, которыя и доставили меня въ пять сутокъ до Урги. Здѣсь на первыхъ порахъ испытывалъ сильное затрудненіе, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ монгольскимъ языкомъ, и усиленно занялся имъ подъ руководствомъ одного чиновника изъ монгольскаго ямыня — для разговорнаго — и одного ламы — для литературнаго языка. Знакомство мое съ тибетскимъ разговорнымъ языкомъ ограничивалось двумя существующими на этотъ

предметъ учебниками Левина и Зандберга; этого оказалось далеко недостаточно для практическаго пользованія имъ, какъ по незначительности заключеннаго въ этихъ учебникахъ лексическаго матеріала, такъ и по крайней трудности тибетскаго произношенія. Не безъ нѣкотораго труда мнѣ удалось разыскать одного тибетца, бывавшаго у калмыковъ, и потому немного знавшаго по русски; съ его помощію я занимался тибетскимъ современнымъ разговорнымъ языкомъ.

Тѣмъ временемъ я представилъ состоящимъ при Далай-Ламѣ Сой-бон-хамбо (обершенкъ) Агвап-Чой-даг-у и Эмчи-хамбо (лейб-медикъ) Туб-ван-у рекомендательныя письма Доржеева, и мнѣ была назначена первая аудіенція у Далай-Ламы. Описанію, какъ этой, такъ и послѣдующихъ аудіенцій и сношеній моихъ съ Далай-Ламой и его приближенными я предполагаю посвятить особую статью, если соображенія политическаго свойства не помѣшаютъ ея появленію въ печати въ настоящее время. Здѣсь же скажу только, что Далай-Лама, какъ по отношенію ко мнѣ лично, такъ и по отношенію къ Комитету, котораго я являлся представителемъ, отнесся съ любезностію и доброжелательствомъ чрезвычайными, даже трогательными, просилъ меня передать комитету, что управляемая имъ страна впредь будетъ всегда открыта для всякихъ научныхъ экспедицій и единичныхъ путешественниковъ-ученыхъ, и что содѣйствіе таковымъ экспедиціямъ, во всемъ, что отъ него зависитъ, будетъ всегда оказано. И, какъ доказательство такого своего расположенія, Далай-Лама предложилъ мнѣ сопровождать его во время предстоящаго путешествія въ Тибетъ, обѣщая всяческое содѣйствіе моимъ научнымъ цѣлямъ. Далай-Лама заявилъ, что онъ всегда радъ побесѣдовать со мною по вопросамъ научнымъ и просилъ приходить къ нему, не стѣсняясь, когда угодно. Меня особенно интересовало то, каковъ личный научный горизонтъ главы буддійской церкви. На сколько я успѣлъ выяснитъ, подъ наукой онъ разумѣетъ тѣ 5 отдѣловъ философіи или такъ называемый цанвидъ, которые составляютъ предметъ изученія высшаго ученаго духовенства, и за успѣшное знаніе которыхъ монастыри Тибета и Монголіи даютъ дипломы на разныя ученые степени. Я разумѣю: 1) *gramāṇa* или логика, 2) *pāramitā* или нравственная философія, 3) *abhidharma* или метафизика въ тѣсномъ смыслѣ, 4) *madhyamika*, т. е. философская система Нагарджуны и 5) такъ называемая *vipaṣya*. По всѣмъ этимъ

отдѣламъ Далай-Лама задавалъ мнѣ вопросы, не выходя изъ рамокъ общепринятыхъ въ каждомъ отдѣлѣ учебниковъ. Къ санскритскому языку Далай-Лама обнаруживаетъ большой интересъ. Знаніе санскритскаго языка среди господствующей желтошапочной секты совершенно утратилось; на этомъ языкѣ извѣстны ей лишь формулы заклинаній, такъ называемыя тарни, отчего и самъ языкъ ими иногда называется тарнистическимъ, а азбука (ланджа) тарнистической. Въ какомъ положеніи стоитъ дѣло у другихъ сектъ, намъ неизвѣстно, но есть основаніе предполагать, что у нихъ сохранилось болѣе санскритской древности, судя по тому, что еще въ 17-мъ ст. знаменитый Дараната написалъ большую санскритскую грамматику. Командированному нынѣ Барадину, вѣроятно, удастся выяснитъ это. По просьбѣ Далай-Ламы, я долженъ былъ перевести ему тибетскіе стихи на санскритскіе, и хотя въ этой области я и имѣю мало практики, но мои переводы удостоились его одобренія.

Какъ и слѣдовало ожидать, Далай-Ламѣ и его приближеннымъ было не до науки въ томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ они очутились, изгнанные изъ своей страны англичанами и окруженные разнообразными интригами и давленіемъ со стороны китайцевъ, англичанъ, монголовъ, японцевъ и русскихъ. Дальнѣйшія мои бесѣды и сношенія съ Далай-Ламой касались почти исключительно интересовавшихъ его вопросовъ современной политики, группировки и значенія великихъ державъ, ихъ интереса къ Тибету и т. п. У Далай-Ламы до того времени были лишь полумифическія представленія о географіи и астрономіи, заимствованныя изъ санскритской литературы. Мнѣ пришлось кратко изложить ему на тибетскомъ литературномъ языкѣ европейскія представленія о физической и политической географіи, а также перевести всѣ названія на картахъ учебнаго атласа Петри. Кроме того, по просьбѣ Далай-Ламы я переводилъ для него всѣ извѣстія англо-китайскихъ газетъ, касающіяся тибетскаго вопроса. Съ другой стороны, всѣ тибетскія бумаги, составлявшіяся приближенными Далай-Ламы, мнѣ пришлось переводить на русскій языкъ, и, такимъ образомъ, мнѣ удалось накопить нѣкоторый матеріалъ по современному дѣловому и канцелярскому тибетскому языку, по которому до сихъ поръ никакихъ матеріаловъ у насъ не было. Командированному нынѣ г. Барадину я усердно рекомендовалъ продолжать собира-

ніе всяких матеріаловъ по современному тибетскому языку, въ виду того, что недостатокъ нашихъ свѣдѣній въ этой области, мнѣ кажется, ставить въ неловкое положеніе нашу науку въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство русское можетъ встрѣтить необходимость въ услугахъ лицъ, хотя сколько нибудь знакомыхъ съ современнымъ тибетскимъ языкомъ.

Въ заключеніе мнѣ остается выразить свою глубокую благодарность Комитету за то, что онъ способствовалъ осуществленію столь для меня важной поѣздки, давшей мнѣ возможность впервые столкнуться воочию съ буддѣйскимъ міромъ въ такой особенно интересный моментъ его исторической жизни, какой онъ нынѣ переживаетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ извиниться за скудость осязательныхъ научныхъ результатовъ моей поѣздки. Мнѣ, какъ я впрочемъ и ожидалъ, удалось лишь подготовить почву для экспедиціи въ самый Тибетъ, осуществленіе коей я считаю весьма желательнымъ. Интересъ къ Тибету среди санскритистовъ растетъ въ послѣднее время весьма сильно. Въ монастырскихъ бібліотекахъ Тибета хранится, весьма вѣроятно, много санскритскаго рукописнаго матеріала. Свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстѣ, подтверждаютъ это предположеніе, и есть полное основаніе надѣяться, что научная экспедиція въ Тибетъ, предпринятая при столь благоприятныхъ обстоятельствахъ, какъ совмѣстное съ Далай-Ламой путешествіе въ эту страну, при его поддержкѣ, увѣнчалась бы успѣхомъ и собрала бы богатые матеріалы. Было бы конечно желательно, чтобы она была совершена русскими учеными, которые въ лицѣ барона Шиллинга фонъ Капштадта, академикомъ Шмидта, Шиффнера и Васильева уже раньше много сдѣлали въ этой области; тѣмъ болѣе это желательно, что англійская экспедиція почти ровно ничего для науки не дала. Къ сожалѣнію, мнѣ лично не удалось воспользоваться приглашеніемъ Далай-Ламы, такъ какъ политическія обстоятельства, по мнѣнію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, этому препятствовали. Остается пожелать, чтобы нынѣ командированный Комитетомъ ученикъ мой Б. Барадинъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ подготовлялся къ этой задачѣ, смогъ бы успѣшно ее выполнить.

На расходы по экспедиціи мнѣ была ассигнована сумма въ 1500 р., которая вся израсходована, при чемъ расходы въ круглыхъ цифрахъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Снаряженіе (въ томъ числѣ фотографическ. принадлежности) 100 р.	
Проѣздъ до Урги съ багажомъ (отъ Кяхты на вольныхъ лошадахъ).....	350 »
Вознагражденіе учителямъ, подарки ламамъ.....	100 »
Покупка книгъ.....	50 »
Обратное путешествіе (до Кяхты на почтовыхъ).....	300 »
Содержаніе и разъѣзды за все время.....	600 »
	<hr/>
	Итого. . 1500 р.

Экспедиція въ г. Туркестанъ для снятія плановъ и зарисовки въ краскахъ мѣстной мечети.

Экспедиція въ г. Туркестанъ, для снятія плановъ съ мѣстной мечети и зарисовки ея въ краскахъ, состоялась согласно намѣченному плану. Два художника-архитектора, А. И. Гороховъ изъ г. Казани и А. М. Гуржіенко изъ С.-Петербурга, выразили готовность поѣхать въ г. Туркестанъ и получили подъемныхъ денегъ по 300 р. и 100 р. на устройство лѣсовъ, а всего 700 р. Первый проработалъ на мѣстѣ 2 мѣсяца и 12 дней, второй полныхъ 3 мѣсяца. Оба они были тамъ со своими женами, тоже художницами, которыя усердно помогали своимъ мужьямъ безъ всякихъ съ нашей стороны расходовъ. Вслѣдствіе этого, работъ вчернѣ сдѣлано столько, что осуществленіе ихъ въ чистомъ видѣ полностью будетъ невозможно на ассигнованную сумму, а потому придется ограничиться только главнѣйшимъ.

Такъ какъ мечеть надъ гробницею Ахмеда Ясави, хотя и поражаетъ своими грандіозными размѣрами и отличается сложнымъ устройствомъ, но не имѣетъ такой изящной облицовки, какою отличаются самаркандскія мечети, то я нашелъ нужнымъ обратить особенное вниманіе на другія подробности, въ данномъ случаѣ единственныя.

Въ Туркестанской мечети находятся: 1) бронзовый котель, 2) пять бронзовыхъ подсвѣчниковъ и 3) бронзовое украшеніе отъ знамени (طوغ).